

1998

Мартынов В.

Рос. муз. газета - 1998, - № 4 - с. 8

Не знаю, возможно, творчество В. Мартынова останется в анналах отечественной музыки в ряду других заметных явлений пост-авангарда и минимализма. Я, по крайней мере, хорошо помню некоторые из его интересных опусов той поры. Возможно также, что его будут вспоминать среди тех, кто внес свой вклад в возрождение древних литургических традиций.

Но, боюсь, может случиться и так, что его имя будет у потомков ассоциироваться с теми неистовыми ревнителями православия, которые, чистоты и аутентичности ради, готовы отвергнуть целые пласты музыкальной культуры — и не только зарубежной, но и отечественной. Ибо в последние годы В. Мартынов стал знаменит в первую очередь как весьма воинственно настроенный идеолог и пропагандист. Невозможно не заметить, как его усилиями литургическая проблематика — область сложная, деликатная, требующая для своего решения длительных и терпеливых усилий — все более затягивается в орбиту церковно-политической борьбы, некоторые аспекты которой напоминают (и не только мне одному) приснопамятные времена 1936, 1948 годов, равно как и иных, более древних, но столь же "знаковых" для нашей культуры лет...

Мне довелось недавно посетить некое "мероприятие", которое, очевидно, не является в строгом смысле ни концертом, ни спектаклем, ни литургией, а чем-то сугубо синтетическим. Впрочем, автор музыки — В. Мартынов — дал свое собственное определение, назвав содеянное "паралитургическим" произведением.

Если бы речь шла просто о постановке Анат. Васильевым "Книги "Плач Иеремии", положенной на пение" (авторское название), исполненной известным ансамблем "Сирин", то я бы сказал, что музыка Мартынова представляет собой более или менее удачный сплав традиций, почерпнутых, в частности, и из различных богослужебных практик (о чем сам автор говорит в буклете, выпущенном в связи с постановкой "Плача"). Я бы отметил скорее квазифольклорную, чем церковную манеру исполнения, напоминающую временами о стилистике ансамбля Д. Покровского (откуда "родом", как известно, и сам руководитель "Сирина" А. Котов). Я бы сказал еще, что многое в музыке Мартынова напоминает о неофольклорных тенденциях композиторов XX века, поскольку в "Плаче" можно услышать отголоски и "Свадебки" Стравинского (разумеется, без сложной ритмической полифонии последней), и "Кармины Бураны" Орфа, как и многих других современных композиторских стилей.

Я слышал и более раннюю версию "Плача" на фестивале "Декабрьские вечера" в 1994 году. Надо сказать, что фольклорные "отсылки" были тогда представлены еще более явно, а за отсутствием какой-либо "паралитургической" или какой-то иной явно прочерченной пластики музыка произвела впечатление довольно монотонное. Для сравнения: выступление на том же фестивале грузинского ансамбля "Рустави", при всей своей "статуарности", "монотонности" (почти вся программа пелась на "pp"), а также и "фольклорности" осталось в ряду самых сильных впечатлений.

Несомненно, за эти годы мастерство "Сирина" возросло, но главной причиной "аттрактивности" действия я считаю все же

именно внесение А. Васильевым (в содружестве с Н. Чиндякиным) пластико-ритмического компонента. Нельзя, конечно, не отметить также очень интересное художественное оформление, например, экспрессивность и выразительность единственной декорации (символизирующей падающую стену Иерусалима), впечатляющую цветовую гамму костюмов (певцы появляются поочередно в черных, белых и голубых одеяниях). Интересна идея с живыми голубями, неожиданно взлетающими из рук стоящих спиной к зрителю певцов. Вносимая же на сцену в одном из эпизодов литийница, видимому, играет роль реалистической "цитаты", словно напоминающей о традициях Станиславского...

Соответствует ли явная театральность, пластичность и — тут уж куда не денешься

• ПРЕДЛАГАЕМ К ОБСУЖДЕНИЮ

ОБ АУТЕНТИЗМЕ БЕЗ БЕРЕГОВ

(РЕПЛИКА ДИЛЕТАНТА)

— почти балетность постановки канонам православной литургии, возможны ли, желательны ли православные "пассионы и мистерии" — это вопрос не ко мне. Но то, что в результате этого, пусть и талантливо театрализованного "бриколажа" (термин К. Леви-Стросса, употребленный самим Мартыновым — см. "Независимую газету" от 27 ноября 1997 года), то есть как бы случайного и свободного соединения разнородных стилистических "блоков" и квазичитат, обязательно должна возникнуть некая новая чистота и, особенно, аутентичность — вот в этом я позволю себе усомниться.

Соединение разнородного — давняя проблема искусства, давний, испытанный веками способ созидания нового. Это, конечно, и композиторская проблема, для XX века более чем знакомая. Утверждать же, что в данном случае мы имеем дело с попыткой выйти на "некомпозиторский уровень" (слова Мартынова из "Независимой") вызывает в лучшем случае явные ассоциации с лексикой поставангардных манифестов, а в худшем — просто улыбку.

Так вот, достоинства и недостатки этой — позволим себе такое обозначение — мистерии можно было бы спокойно обсуждать, кабы не многочисленные "параллельные акции" В. Мартынова, среди которых назову и полосу в "Независимой", целиком посвященную — небывалый случай! — этой постановке.

Мне кажется, что отрицать (как это делает Мартынов) не только почти всю западную литургическую музыку, но и так или иначе связанные с западными воздействиями аналогичные творения русских композиторов (в качестве своего рода творений "от лукавого") означает по сути дела отрицание русской истории — такой, какой она была. И не надо быть большим специалистом, чтобы отметить, что радикальные воззрения Мартынова расходятся с воззрениями подавляющего большинства историков

богослужебного пения в России как в прошлом, так и в настоящем.

Повторюсь, я вовсе не специалист в вопросах литургии. Но мне, честно говоря, куда ближе мнение, например, И. Лозовой, говорящей: "То, что происходит в церковной или околоцерковной музыке сейчас, абсолютно точно соответствует нашему духовному состоянию. И оно в целом далеко от высоких образцов. Совершенно бессмысленно брать на себя смелость судить, какой именно стиль церковной музыки сегодня мог бы считаться наиболее приемлемым" ("Музыкальная академия", 1997, № 1, с. 24).

Мне кажется, что ошибка В. Мартынова, как и всех иных "зилотов", коими Россия — к счастью или несчастью — всегда была богата, состоит в том, что он апеллирует к вымышленному народу, народу, который желательно было бы создать, но которого никогда не будет, поскольку утопических народов в жизни не бывает. С другой стороны, И. Лозовая (как и многие другие практики и теоретики в области литургии) как раз понимает, что народ нам дан, как и его история, такими, какие есть, со всеми нашими грехами, в том числе и богослужебно-музыкального свойства. Ясность, логичность, кажущаяся непротиворечивость концепции Мартынова, изложенной им в ряде книг, возможно, и имеет некое чисто богословское значение (тут я судить не могу), но заче-

мечу: теми же качествами был в избытке наделен и "Краткий курс истории ВКПБ" — знаменитый "катехизис", также к реальной истории никакого отношения не имевший (вновь прошу прощения за подобные аналогии, но я действительно считаю "Краткий курс" замечательным по силе внушения богословским трактатом...).

...В заключение хочу привести мнение человека куда более компетентного, чем я, — мнение, к которому я готов полностью присоединиться: "...Некоторые современные ревнители духа, отменяя все без различия душевное и чувственное, незаметно обрекают душу человеческую, в том числе и православную, на постоянное блуждание в поисках пищи; при этом подвергается анафеме вся европейская, вкпе с русской, музыка. Находится достаточно ума отрицать созидательную роль высокого искусства (в лучших его проявлениях), в котором миру открывается творчество — дар Божий и образ Его в человеке" (М. Асмус. "Радонеж", 1997, № 19, с. 10).

P. S. Эта статья была уже написана, когда мне попалась на глаза заметка о состоявшейся на днях в Британском посольстве в Москве премьеры новой кантаты В., Мартынова на латинский текст из Фр. Ассизского "Canticum fratris solis". Думаю, что теперь В. Мартынову логично было бы сделать последний, решающий шаг, достаточно, впрочем, естественный для тех, кто несолько знаком с его творческой биографией, а именно: создать подлинно православную рок-оперу. В самом деле, долей эклектиков Рыбниковых и да здравствует всеобщий аутентизм!

P.P.S.S. И совсем последнее: а не есть ли вся музыкальная и иная деятельность В. Мартынова не что иное, как оригинальная разновидность постмодернизма? И тогда кажущийся кому-то вопиющим разрыв между его "словом" и "делом" впишется в единую, по-своему, логичную систему. Чем черт не шутит...

А. ХИТРУК